

Глава 41

Два цветка лотоса на одном стебле

Он почувствовал, как плечо Мин Чуня дрогнуло.

В следующее мгновение тот коснулся его подбородка, приподнимая его лицо.

Глаза Мин Чуня холодно блеснули, а тонкие губы беззвучно сложились в предостерегающем жесте: «Тс-с».

Те Хэнцю понял намёк и тут же послушно замолчал.

Они двигались вперёд, прижавшись друг к другу, словно две лианы, оплетающие скалу. Их тела переплетались, и при каждом шаге широкий рукав Мин Чуня касался его запястья, вызывая лёгкую щекотку, которая смешивалась с доносившимся от ткани тонким ароматом, и от этого его сердце забило как сумасшедшее.

Те Хэнцю со смешанными чувствами искоса взглянул на Мин Чуня. Тот был невозмутим, его грудь не сотрясалась от учащённого сердцебиения. Очевидно, их близость ничуть его не волновала.

Лёгкое напряжение в мышцах, вероятно, было вызвано лишь опасностью ситуации или неприязнью к чужим прикосновениям.

«Да, он по-прежнему ко мне равнодушен», — с лёгкой грустью подумал Те Хэнцю.

Они продвигались вдоль листа около получаса, когда лунный свет вдруг стал ярче.

Те Хэнцю поднял голову и увидел, что густая серебряная завеса паутины заметно поредела.

Почти пришли.

Он с надеждой посмотрел на пустую ветку впереди.

Облегчённо вздохнув, он сделал последний шаг.

Серебряная завеса опустилась за их спинами, и Мин Чунь тут же отпустил его.

Ночной ветер проник за воротник, и по шее Те Хэнцю пробежал холодок.

Он обернулся к Мин Чунь. Его лицо оставалось бесстрастным.

Те Хэнцю поджал губы, решив не придавать этому значения. «Нельзя же ожидать, что от одного объятия он вспыхнет ко мне чувствами. Юэ Бочжи — божество, а не какая-нибудь дешёвка».

В этот момент сверху донеслись шаги.

Они подняли головы и увидели, как на них несётся синий силуэт.

Лунный свет осветил его лицо — это был Хэ Чуми!

Хэ Чуми, очевидно, был из тех, кто сначала делает, а потом думает. Он совершенно не заметил паутину, почти невидимую в тени листьев.

Увидев Те Хэнцю, он тут же бросился к нему: «Младший брат!»

Те Хэнцю внутренне похолодел. Не успел он его предостеречь, как тот с размаху наступил на три серебряные нити.

Нити с треском лопнули, и свисавшая паутина внезапно ожила, обвив лодыжку Хэ Чуми.

Тот в ужасе вскрикнул и попытался разрубить паутину мечом, но она оказалась невероятно прочной. Одного удара было недостаточно.

Что ещё ужаснее, нити, словно змеи, поползли по лезвию и в мгновение ока оплели его меч, превратив его в серебряный кокон.

Хэ Чуми был в панике. «Младший брат... Мин Чунь... спасите!» — в ужасе закричал он.

Услышав его крик, Мин Чунь лишь приподнял бровь, сохраняя своё обычное холодное выражение лица, но бросил на Те Хэнцю насмешливый взгляд.

Те Хэнцю оказался в трудном положении.

Надо сказать, его не слишком волновала судьба Хэ Чуми.

Если бы это не требовало усилий, он бы, конечно, помог. Но сейчас, когда они и сами были в опасности, а рядом с ним был отравленный Юэ-цзунь, он не хотел рисковать любимым человеком ради спасения Хэ Чуми.

Однако Те Хэнцю помнил, что в глазах Юэ Бочжи он — благородный и честный человек. В прошлый раз в тайном царстве он, рискуя жизнью, прыгнул со скалы в ледяной омут, чтобы спасти Хэ Чуми!

Он предполагал, что именно этот смелый поступок и снискал ему расположение Юэ Бочжи, позволив получить траву Ди Сю и приблизиться к нему.

Если он сегодня останется в стороне, то весь его образ, созданный с таким трудом, рухнет.

Все его усилия пойдут прахом!

Те Хэнцю поднял глаза и, заметив падающий лист, тут же придумал план. Он подпрыгнул, словно случайно столкнувшись с листом.

— А-а! — вскрикнул он и, точно рассчитав, ухватился за свисавшую ветку, повиснув на ней. Со стороны это выглядело так, будто он чудом избежал падения. На самом же деле он держался крепко и мог бы провисеть так до утра.

К тому же ветку он выбрал заранее — она была достаточно далеко от паутины.

— Четвёртый старший брат... — нарочито тяжело дыша, произнёс Те Хэнцю, — ты... ты в порядке?

Меч Хэ Чуми был полностью опутан паутиной, которая уже добралась и до его запястья.

Он поднял мокрое от пота лицо и, увидев Те Хэнцю, мучительно висевшего на ветке, торопливо спросил: «Младший брат... ты... ты как...»

— Четвёртый старший брат... держись! — прохрипел Те Хэнцю. — Я... я сейчас что-нибудь придумаю...

«Держись, — подумал он, — держись, пока тебя полностью не замотает в кокон. Тогда я смогу “бессильно” сорваться с ветки и с сокрушённым видом закричать: “Ах, я так слаб, почему я не смог спасти четвёртого старшего брата, я ненавижу себя!” И на этом представление будет окончено».

Хотя он не знал, поверит ли Юэ Бочжи в этот спектакль.

Но не рисковать же жизнью ради спасения Хэ Чуми?

«Я хоть и люблю играть в хороших парней, но не до такой же степени! Кроме Юэ Бочжи, нет

ничего, ради чего я готов был бы отдать жизнь».

Вися на ветке, Те Хэнцю хрипло кричал, изо всех сил подбадривая Хэ Чуми: «Старший брат, держись! Не сдавайся! Я сейчас что-нибудь придумаю...»

В мгновение ока паутина окутала всю руку Хэ Чуми.

Этот изнеженный молодой господин никогда не испытывал ничего подобного. Несколько мокрых от пота прядей прилипли к его покрасневшим вискам, он выглядел очень жалко.

Те Хэнцю продолжал его подбадривать: «Не сдавайся! Четвёртый старший брат! Не сдавайся! Не сдавайся!..»

Мин Чунь со скукой посмотрел на него. «У него что, слова закончились? Уже повторяется».

Слёзы Хэ Чуми падали на серебряные нити, разлетаясь мелкими брызгами.

Услышав слова поддержки Те Хэнцю, он и впрямь обрёл мужество. Сдавленно застонав, как раненый зверь, он стиснул зубы и отчаянно забился.

Проблема была в том, что чем сильнее он дёргался, тем сильнее вибрировала паутина.

Вскоре гигантский паук, дремавший в центре паутины, разбуженный жизненной силой своей жертвы, медленно поднял хелицеры и пополз в их сторону.

«...О боже», — подумал Те Хэнцю.

Эта сцена была живой иллюстрацией поговорки: «Чем больше стараешься, тем хуже получается».

Хелицеры паука были уже совсем близко.

В глазах Хэ Чуми отразилось глубокое отчаяние, но он вдруг повернулся к Те Хэнцю и прохрипел: «Младший брат! Беги! Не обращай на меня внимания...»

Серебряные нити внезапно сжались, и последние слова застряли у него в горле.

Он широко раскрытыми глазами смотрел на силуэт Те Хэнцю в лунном свете, и в его взгляде бушевала буря невысказанных чувств.

Те Хэнцю замер. «Чёрт, я и вправду немного растроган».

Он покачался на ветке. «И мне даже немного жаль его».

Не в силах смотреть, как Хэ Чуми умирает, Те Хэнцю решительно закрыл глаза.

Но в этот самый момент порыв ветра подхватил широкий рукав Мин Чуня и бросил его на запутавшиеся серебряные нити.

Нити, словно живые, вцепились в край рукава, сверкнув в лунном свете.

Паук тут же почувствовал это. Оставив Хэ Чуми, он развернулся и, заставив паутину заходить волнами под его огромным телом, с поразительной скоростью бросился к Мин Чуню.

Увидев это, Те Хэнцю обомлел. «Какой умный паук, знает, что повкуснее!»

Видя, что Мин Чунь в опасности, Те Хэнцю тут же прекратил спектакль. Отпустив ветку, он бросился на помощь.

Мин Чунь среагировал быстро. Как только паутина коснулась его рукава, он тут же отсек его мечом и отпрыгнул.

Но паук, опьянённый ароматом сливовых лепестков, исходившим от Мин Чуня, не собирался так просто его отпускать.

Брюхо паука внезапно дёрнулось, и бесчисленные серебряные нити, словно ливень, обрушились на Мин Чуня, накрыв его плотной сетью.

Мин Чунь был духовным телом из бумаги, у него не было собственного меча, и он мог лишь создавать клинок из ци.

К тому же его сила была подавлена, и духовная энергия текла медленно, как смола. Он не мог противостоять этому бесконечному потоку паутины.

Нити, пропитанные зловонием, одна за другой ударяли по его клинку, отчего его запястье немело. Он отступил на два шага и вдруг наткнулся на чью-то грудь. Тёплое дыхание коснулось его уха — этот запах Мин Чунь узнал бы и с закрытыми глазами. «Те Хэнцю».

Те Хэнцю обхватил Мин Чуня и, глядя на летящую на них паутину, в отчаянии вдруг почувствовал проблеск надежды. «Эта сцена... так похожа на вчерашнюю...»

Его осенило. Он улыбнулся и прошептал Мин Чуню на ухо: «Брат Мин Чунь, не научишь меня ещё раз вчерашнему приёму?»

Мин Чунь взглянул на него и, не говоря ни слова, кивнул в знак согласия. Он взял руку Те Хэнцю и положил её на рукоять его меча из зелёного нефрита.

Их ладони соприкоснулись. Духовная сила Те Хэнцю потекла через их скрещённые запястья, клинок ожил, и они исполнили технику меча Юэ Бочжи.

Могучая, как прилив, духовная сила Те Хэнцю под руководством Мин Чуня превратилась в россыпь ледяных лепестков сливы.

Едва коснувшись их, паутина тут же растаяла, как лёд под палящим солнцем.

Паук яростно взревел и ударил хелицерами, словно железными копьями.

Мин Чунь и Те Хэнцю, всё ещё держась за меч, направили поток духовной силы Те Хэнцю, превратив её на кончике клинка в тысячи серебряных тычинок.

Паук, бросившись на них, наткнулся на эту сеть из мечей, и его хелицеры тут же были отсечены.

На острие меча из зелёного нефрита распускались всё новые и новые лепестки сливы, и панцирь паука под их натиском треснул, как тонкая бумага.

В следующее мгновение паук взорвался, разбрызгивая на три чи зловонную чёрную кровь.

Отдача отбросила Мин Чуня и Те Хэнцю назад, но они всё ещё мёртвой хваткой держали друг друга за запястья.

Паутина начала рваться, и Хэ Чуми, потеряв опору, полетел вниз.

Теперь, когда опасность миновала, Те Хэнцю с радостью сыграл роль спасителя и подхватил его.

Хэ Чуми упал в его объятия, его бледное лицо было мокрым от слёз.

Мин Чунь стоял рядом и, глядя на свою руку, всё ещё хранившую тепло Те Хэнцю, медленно сжал пальцы. Он холодно посмотрел на Те Хэнцю, обнимавшего Хэ Чуми.

— Четвёртый старший брат, ты в порядке? — с искренним беспокойством спросил Те Хэнцю.

Хэ Чуми покачал головой, слёзы катились по его щекам, как жемчужины с оборванной нити.
«У-у-у...»

— Всё хорошо, всё хорошо, — успокаивал его Те Хэнцю. — Ты видел Юэ-цзуня, первого старшего брата и наставника?

Хэ Чуми, пошатываясь, указал наверх: «Там, кажется, тоже свисала паутина. Я видел, как она схватила их и утащила наверх».

— Это была не паутина... — его лицо побледнело, — это было больше похоже на...

— На нити белого шёлка? — догадался Те Хэнцю.

Хэ Чуми энергично закивал: «Именно».

Те Хэнцю и Мин Чунь переглянулись. Они поняли: это был проклятый Лю Лю.

Те Хэнцю провёл пальцем по рукояти меча и встретился взглядом с Мин Чунем.

— Брат Мин Чунь, — улыбнулся он, — готов к новой битве?

Мин Чунь усмехнулся: «Лучше спроси себя, сможешь ли ты ещё поднять меч».

Те Хэнцю громко рассмеялся и направил меч на вершину дерева.

Без лишних слов Мин Чунь взмахнул рукавом, и тот обвился вокруг талии Те Хэнцю.

Их тела соприкоснулись, словно два цветка лотоса на одном стебле, их ладони одновременно легли на рукоять меча из зелёного нефрита. Ночной ветер наполнил их одежды, закрутив их в сине-белый вихрь.

Оттолкнувшись от ветки, они взмыли к вершине дерева, окутанной белым шёлком.

Взлетая, Те Хэнцю услышал крик Хэ Чуми: «Не уходите! Что мне делать одному?»

Те Хэнцю обернулся и улыбнулся: «Не волнуйся, добрым людям всегда везёт!»

Как и подлецам всегда достаётся по заслугам!

<http://bllate.org/book/16975/1590029>